

Людмила Килевая

Идиоконцепт "пространство-время" в организации текстовых категорий русскоязычной прозы Казахстана

Przegląd Wschodnioeuropejski 4, 469-476

2013

Artykuł został opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

Людмила Килевая

Казахский национальный педагогический университет имени Абая

ИДИОКОНЦЕПТ «ПРОСТРАНСТВО-ВРЕМЯ» В ОРГАНИЗАЦИИ ТЕКСТОВЫХ КАТЕГОРИЙ РУССКОЯЗЫЧНОЙ ПРОЗЫ КАЗАХСТАНА

Возникающая в спектре концептуальной картины мира идиоэтническая картина мира включает компоненты, соответствующие компонентам первой, обозначаемые нами термином «идиоконцепт». Организация данного термина основывается на уже устоявшемся в лингвистической литературе термине «концепт», обозначающем ментальный образ, формируемый на ментальном уровне языкомыслительной деятельности человека. Идиоконцепт связывается с ограничением ментального образа, обусловленным постижением мира отдельной личностью. В этой позиции образ мира фокусируется на «моем мире», то есть на представлении об окружающей действительности говорящим. Ограничение концептуальной картины мира «моим миром» базируется на тезаурусе языковой личности, который, в свою очередь, зависит от лингвистической компетенции говорящего. Иными словами, «мой мир» организуется совокупностью вербально-семантических средств, свойственных носителю языка. Идиоконцепт находит воплощение в вербализации отдельно взятого речевого акта.

В данной статье выявляются языковые средства передачи идиоконцепта «пространство-время», благодаря которому реализуются соответствующие текстовые категории, на материале текстов произведений Виктора Бадикова. Виктор Бадиков известен в русскоязычной прозе Казахстана циклом разножанровых произведений, в том числе рассказами «Эхо жизни», «Побег из «Коммунизма», «Кырмызым», которые составляют основу анализа обозначенного идиоконцепта. Из глобальных категорий текста, описанных в лингвистической литературе, в прозе Виктора Бадикова актуализируются категории пространство и время.

Проанализированный материал свидетельствует о неоднозначности проявления тексто-философских содержательных категорий в идиоэтнической картине мира автора. Типичным для нее является тот факт, что

текстовые категории, выявляемые в его рассказах, позволяют реализовать «Пространство» и «Время» как единый идиоконцепт. В его произведениях актуализация времени немислима без актуализации пространства, а пространства – без времени: герои его рассказов объединены временем и разделены пространством. Не случайно и название всего сборника рассказов «Эхо жизни», включающее лексемы пространственно-временной семантики *эхо* и *жизнь*¹. Кроме того, составляющая 'время' репрезентируется в контексте фонового знания начало/конец: «Начала сходятся в концах», что передается с помощью фазовых глаголов *начаться, кончиться*, существительных *начало, конец*: **Кончилось** время страха, вот что главное, и **наступило** время совести; **Степь** – как «жизнь без **начала** и **конца**».

Для анализируемых текстов характерна константность пространства и динамика времени. Особенность рассматриваемых категорий заключается в том, что они реализуются в текстах рассказов, носящих в значительной мере автобиографический характер. Автор сам является участником описываемых событий и соответственно находится в изображаемом пространстве. Сохранившееся пространство воспринимается и воспроизводится в ретроспекции, с позиции иного времени. Смещение временного плана также отображено в заглавии книги – «Эхо жизни», где посредством лексемы *эхо* выражается намерение автора передать отголосок жизненного пути героя.

Миропереживание изображаемого времени 60-х годов прошлого столетия раскрывается в концептах негативного характера. Не случайно текстовая категория времени последовательно сопряжена с концептом «холод», передающим не только явление природы с помощью использования наречия *зимой*, авторского неологизма *метельно*, существительного *поземка*, словосочетания *не выдерживала ветра*; но и служащим определенным предзнаменованием будущих отношений героев. Временной план лето, определяемый эпитетом *жаркое*, связывается с концептом «забвение» и проецирует на пространство в виде словосочетания *в знойной тишине*. Знойная тишина обычно невыносима с физиологической точки зрения: в таком пространстве невозможно находиться. Встроенное в предложение в сочетании с лексемами темпоральной семантики *замереть, грядущий, перемены*, данное словосочетание приобретает в тексте рассказа метафорический характер и осмысливается как распутье, неясность дальнейшего пути героев: *В знойной тишине замерли грядущие перемены*.

Составляющая 'время' рассматриваемого идиоконцепта передается с помощью удачно подобранных своеобразных метафорических словосочетаний

¹ Бадиков В., *Эхо жизни: рассказы*, Алматы, 2007, 112 с.

типа *идеологическая непогода*, обозначающих время как некоторый промежуток жизни и время как соответствующую обстановку, ситуацию. Шестидесятые годы прошлого столетия негативно интерпретируются автором: время застоя, навязчивое мировоззрение, не осмысливаемое на уровне сознания человека и потому обособленное от него. Идеологическая погода в этот период определяется автором словосочетанием *опасно грозовая: Шабашники умело выжидали и объявлялись именно тогда, когда животноводам деваться было уже некуда, когда идеологическая погода в области становилась опасно грозовой.*

Разделение героев пространством в соответствующем временном плане передается в тексте рассказа «Эхо жизни» с помощью использования высказываний *Пути их скоро разойдутся; уже почти стариком он разыщет наконец ее могилу, чтобы поклониться свету их юности.*

Лексемы поля времени *скоро, стариком, наконец, юность*, отмечаемые в данных высказываниях, пересекаются с лексемами и словосочетаниями поля пространства, которые передают значение разъединения, разделения, выраженное глаголами будущего времени в значении прошедшего времени: *разойдутся, разыщет (могилу)*. Подобное переносное употребление форм будущего времени обусловлено, на наш взгляд, стремлением автора к сакрализации дорогого для героя прошлого, повлиявшего на его судьбу в будущем. Разделение пространством может привести в бездну, в неизвестность, к смерти. Слово *могила* в данном контексте не столько онтологично, сколько символично, что достигается за счет введения глагола *поклониться*. Герой кланяется могиле, которая связывается у него с образом утраты любимой женщины. Противоречие между временем и пространством передается с помощью метафоры *свет их юности*, воплощающей положительное начало во времени юности, которое, однако, приводит героев в бездну пространства.

Пространство в анализируемых рассказах представлено в большей степени оценочностью. В основном это негативная оценка, передаваемая путем использования приема иронии: *Однако во глубине кокчетавских коммунистических степен все складывалось, на удивление, не так уж плохо.* Как видим, выделенное словосочетание построено по модели прецедентного текста: путем трансформации пушкинской фразы *во глубине сибирских руд*, позволяющей представить то непростое пространство, в котором оказываются герои произведения – студенты, приехавшие на сельхозработы в кокчетавский аул.

Вербализация составляющей 'пространство' анализируемого идиокоцепта с помощью лексем *барак, теплушка*, словосочетаний *коммунистическая даль, стройка коммунизма, огромные безлюдны просторы, демократическая теснота* позволяет актуализировать в идиоэтнической

картине мира Виктора Бадикова концепты «скука» и «безысходность», передаваемые такими лексемами и словосочетаниями, как *однообразные, сверхмуторные, затоскует, унылая морозящая тишина, безлюдье*. В ряде случаев негативная оценка пространства передается путем использования разговорно-просторечных элементов, например: *задрипанная столовка*.

Положительная оценка пространства отмечена лишь в уже обозначенном выше метафорическом высказывании *свет их юности*, где лексема *свет* актуализирует пространство, а лексема *юность* – время.

Исследуемый материал показывает, что в идиоконцепт «пространство-время» вписывается концепт «она». В рассказе «Побег из «Коммунизма» объединенные временем влюбленные также оказываются разделенными пространством. Обстоятельства складываются так, что герой вынужден уехать на время в другой совхоз на заработки. Однако *она* способна изменить восприятие пространства, что выражается через использование перефразированных пословиц типа *А с милой, как известно, рай везде*; а также фразеологических оборотов положительной оценочности. Так, поселок, который описывается как малопригодный для нормальной человеческой жизни, определяется как *земля обетованная: Там была она, и это все решительно меняло: скучный безликий поселок под свинцовым небом представлялся ему теперь «землей обетованной»*. Как свидетельствует приведенный отрывок, героиня способна объединить разъединенных в пространстве героев. Вместе с тем такой оборот событий не является типичным. Ведущей остается линия «единение временем и разделение пространством», которая последовательно реализуется в том числе и в рассматриваемом рассказе: герои *«перед окончанием университета поженились и родили в свое время дочь, но брак их все-таки распался.»* Как видим, лексема *время* сопровождается местоименным эпитетом *свое*, предопределяющим некоторый предел времени; глагол *распался* передает разделение героев пространством.

Обозначенная линия противоречия составляющих идиоконцепта последовательно реализуется в рассказе «Кырмызым». Неизлечимая болезнь студентки-казашки, которой очарован герой рассказа – преподаватель, некий Борисов, рассматривается им как тупик. Врожденная болезнь героини определяется с помощью лексем *крест, кара*, а размышления о смерти, излагаемые в ее дневнике, сопровождаются удачно найденным эпитетом *надрывные*. Данное определение позволяет передать всю безысходность положения, в котором находится героиня. Однако выход из этого тупика все же был найден: девушка вышла замуж. Не случайно герой рассуждает об этом: *... кто-то поверил, что и она была под одеждой – как все, то есть кто-то в самом деле полюбил Айгуль. Выход нашла сама жизнь. Жизнь не любит тупиков.*

Семантика слова *кара* соотносима с христианской формулой «за грехи наши», которая проходит красной линией через целый пласт древнерусских текстов книжно-славянского типа языка. Она предполагает перфектность повествования, проявляемую во взаимосвязи планов прошлого и настоящего. Применительно к анализируемым рассказам можно говорить о своеобразии перфектности, заключающемся в невозможности повторения дорогого для героя прошлого в настоящем.

Обозначенная категория перфектности предопределяет металингвистический характер дальнейшего анализа. Она позволяет при интерпретации семантики глаголов прошедшего времени использовать заимствованные из исторической грамматики и широко применяемые в современных функциональных грамматиках термины, обозначающие частные значения прошедшего времени, типа *аористическое, имперфектное, перфектное*, поскольку данные значения, несмотря на утрату передающих их форм, сохраняются в процессе исторического развития русского глагола.

Писатель, как нам представляется, осознанно не использует имперфектную или перфектную семантику прошедшего времени, поскольку такое употребление предполагает либо постоянство прошедших действий, их вневременной характер (имперфект), либо результат прошлых действий в настоящем (перфект). Излагаемые же в анализируемых произведениях действия выражают некий свершившийся факт, к которому нет возврата в настоящем, что передается в рассказах путем употребления глаголов прошедшего времени главным образом в аористическом значении с целью изложения фактологичности действия: *Она вздрогнула и посмотрела на него; Они пришли к ее крыльцу и встали; Пришло чистое жаркое лето; Она приподнялась на локтях, посмотрела на него, быстро взяла его за голову и привлекла к себе на грудь. Он впервые в жизни ощутил эту мягкую волнообразную упругость женщины и замер; Так истекли сверхмоторные по однообразию и безысходности примерно три недели; Она мгновенно откинула голову вбок, к окну.* Думается, что фактологическое прошедшее время глагола позволяет писателю выразить и собственную позицию по отношению к прошлому, формируя концептуальную составляющую идиоконцепта «пространство-время» – ‘тупик’.

Вместе с тем исследуемый материал показывает, что в ряде случаев глаголы имперфектной семантики также способны передавать концептуальную составляющую ‘тупик’. В частности, это отмечается при описании коровника: *...длинный коровник, с обветшалой, местами проваленной крышей, которая нуждалась в немедленном ремонте ввиду ранней на кокчетавщине зимы.* Как видим, употребление глагола модальной семантики *нуждаться* в форме прошедшего времени в имперфектном значении в составе сложного словосочетания, включающего

прилагательное *немедленный*, позволяет передать длительность осуществления действия, а именно ремонта, несмотря на незамедлительную необходимость, и показать несостоятельность ряда руководителей глупинок, которые способствовали регрессу (время) и заводили многие жизненные ситуации в тупик (пространство).

Жизнь в тех условиях, в которых поселили студентов, приехавших на помощь колхозу, с точки зрения современника, к которым принадлежит и сам писатель, представляется унижительной. Студентов поселили в бараке без окон, с низкими потолками, определяемом словом *нора*, наделенным символическим смыслом, благодаря чему воплощается образ барака – места, огражденного от света (без окон), где можно было только лежать или сидеть. Убожество описываемого пространства передается путем использования: а) устойчивой разговорной конструкции, представленной существительным в именительном падеже в сочетании с глаголом *есть* и идентичным существительным в той же форме: *нора есть нора*; б) присоединительной конструкции: *Настежь распахнули занавеску-дверь, чтобы не задохнуться от курева, потому что в бараке можно было только лежать или сидеть, окон не было – нора есть нора. На десять лежащих мужиков, с узким проходом вдоль стенки из рубероида.*

Благодаря описанию пространства актуализируется первая составляющая идиооконцепта «пространство-время» – ‘тупик’. Данной составляющей придает значимость и само название колхоза – «Коммунизм». По замыслу автора, поскольку представления о коммунизме как об общественно-исторической формации не соответствуют реалиям колхоза с идентичным названием, следует говорить о несостоятельности и самой этой формации, приводящей в тупик.

Концептуальная составляющая ‘тупик’ четко прослеживается в рассказе «Кырмызым». Алматы определяется словосочетанием *яблочный город*, а герой рассказа по прибытии в него ощущает пространственный тупик: город находится у подножия гор. Применяемый к ним эпитет *поднебесные* позволяет автору актуализировать одну из, казалось бы, мимолетных (время), значимых мыслей героя о том, что он обречен на невозможность двигаться из этого города дальше, что это некая преграда его дальнейшим пространственным действиям: *Борисов поймал себя на мысли, что приехал как бы в тупик.*

Тупик, согласно авторскому замыслу, фокусируется не только на физическое пространство, но и на духовное. Различие культур героев, объединенных единым временем, способствует разъединению их «психических миров» и в конечном итоге ведет к разобщению, разъединению пространством.

Произведенный дискурс-анализ позволяет усматривать своеобразие культурно-исторического фона в рассказе «Кырмызым», в котором неродная для автора, казахская, культура передается средствами родного языка писателя – русского. Талантливые студенты, вчерашние жители казахских аулов, определяются с помощью перифраза *поэтически одаренные люди*. Автор подчеркивает природную открытость казахского народа в отношении между полами, искренность этих отношений путем введения, в частности, окказионализма *соприродный: у казахов все просто; казахи очень соприродные* люди. Но различие культур также приводит героев к тупику. Постижение русской культуры через язык передается посредством глагола имперфектной семантики прошедшего времени, с присущей ей характерологической функцией, *старались*, в котором выражено отношение студентов к занятиям по практическому курсу русского языка. Между тем автор подчеркивает языковой барьер между влюбленными героями, поскольку герой так и не смог постигнуть «загадку казахского языка». Тот факт, что в языке воплощается душа народа, выражается путем использования присоединительной конструкции, позволяющей актуализировать мысль писателя: *Загадка казахского языка – страшно подумать! – никого не занимала, поэтому, наверное, и не давалась. Хотя за ней стояла загадка казахской души*. Героине также «не все удавалось выразить по-русски ясно». Средством постижения любой культуры является прежде всего язык. А в круг лиц, которые не стараются изучить казахский язык, входит и герой рассказа, что повергает в ужас автора произведения, выражаемый посредством экспрессивно окрашенного вводного предложения: *страшно подумать!* Отсюда замечание автора относительно героев: *Они были разные*.

Различие героев отмечается и в социальном плане: по семейному положению, по возрасту, что воплощается, благодаря употреблению местоимения *другой* и метафорических конструкций, включающих сему 'пространство': *Он был из другой, семейной, страны*.

Концептуальная составляющая 'тупик' проявляется в отношении русского и казахского народов к личной жизни. Если русская душа является более открытой относительно личной жизни, то казахская душа достаточно скрытная. Данное утверждение подтверждается, в частности, наблюдением над средствами массовой информации Республики Казахстан, в которых весьма часто излагаются все подробности жизни звезд российской эстрады, но практически отсутствует информация о личной жизни деятелей культуры казахской национальности. В контекст казахской ментальности вписывается скрытность героини, даже в дикий зной не снимавшей платьев с длинными рукавами, прикрывающими ее болезнь. В тексте рассказа «Кырмызым» это передается путем введения метафорического словосочетания

ее заповедная страна, отнесенного к героине Айгуль, в котором также заключена сема недоступного пространства. Таким образом, лексема *страна* сопровождается эпитетами *семейная* по отношению к герою рассказа и *заповедная* – по отношению к героине, характеризуя закрытость пространства, его разьединенность.

Из всего сказанного следует, что вербализуемый в рассказах Виктора Бадикова идиоконцепт «пространство-время» путем использования целого спектра семантико-грамматических средств способствует воплощению текстовых категорий пространство и время в их противоречии, что в целом позволяет воплотить идейный замысел автора как творческой языковой личности.

Idioconcept “Space-Time” in the Organization of Text Categories in Kazakhstani Russian-language Prose

The article analyses some peculiarities about the textual realization of philosophical categories “Space” and “Time” in fictional texts of Kazakhstani Russian-language prose. The analysis is based on Viktor Badikov's autobiographical story cycle. Idioethnic worldview units are defined as “idioconcept”. Marked text categories are implemented in stories as “unified idioconcept”. The time actualization is unthinkable without spatial actualization: story characters are combined with time and separated with space. In the “Time-Space” idioconcept, they clearly express certain constituents of the “dead end”. It is particularly pointed out in “Kyrmyzym” story and “dead end” is sent by the originality of verbs' perfect semantics. A heroine's congenital disease is expressed by the lexemes cross and punishment. Space is transmitted by means of concepts with negative coloration. Differences of Russian and Kazakhstani cultures between the two heroes, which are tied together with one time, foster a psychological separation to their world: the heroes have a language obstacle, which is a motif transmitted by the author with the use of a large number of metaphors